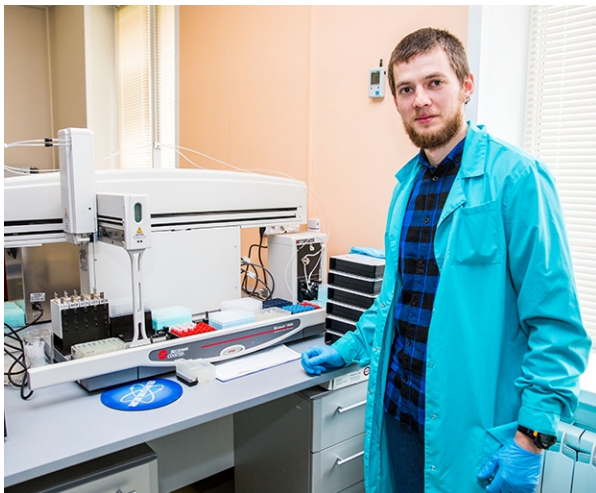

На отца глядя

Первый раз в Институт биоорганической химии (ИБОХ) Академии наук Беларуси Андрей Свирид пришел лет в 6 – с папой-ученым к нему на работу. С того момента бывал здесь часто. Говорит, буквально вырос в отцовской лаборатории. Когда настала пора выбирать профессию, долго не раздумывал – подал документы в Международный государственный экологический университет им. А. Д. Сахарова (сегодня – Международный государственный экологический институт им. А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета). И теперь у него в ИБОХ тоже есть рабочее место – научного сотрудника лаборатории молекулярной диагностики и биотехнологий.

– Андрей, как-то влияли на выбор профессии родители, отец, в частности?

– Разве что своим примером: мама – преподаватель английского языка, папа – ученый. В 90-х отец работал в этом же институте, и я здесь, можно сказать, вырос. Насмотрелся, впечатлился, загорелся. Потому особо и не раздумывал, в какую профессию пойти. При этом никто мне не навязывал свое мнение. Предоставили полную свободу – и я ею воспользовался. А когда в 16–17 лет выбираешь профессию, не особо задумываешься над тем, где ты будешь работать по специальности. Больше руководствуешься тем, что тебе интересно. Поэтому поступил в экологический университет им. А. Д. Сахарова. Получил специальность «Эколог, преподаватель экологии». Благодаря тому, что в университете давалась очень широкая учебная программа, состоящая из биологических предметов, медицинских, даже со старта здесь, в лаборатории, чувствовал себя уверенно: хватало навыков и знаний для работы. К тому же, научную деятельность начал еще в университете – на втором-третьем курсах. А продолжил в ИБОХ. Окончил университет в 2011 году, затем в 2012-м в нем же магистратуру. В 2013-м поступил в наш институт в аспирантуру и окончил ее.

– До университета учились в специализированной школе или гимназии?

– Да. В гуманитарной! С углубленным изучением французского языка. Он был у нас шесть раз в неделю. Плюс английский с 5 класса. Если бы с такой частотой преподавали биологию и химию, я был бы счастлив, особенно в 10–11 классах, когда готовился к поступлению. Но худа без добра не бывает: самостоятельных занятий оказалось достаточно для успешной сдачи экзаменов в Сахаровский, а тот же английский ученому нужен как воздух. И полученные в гимназии знания этого языка еще пришлось расширить. Сейчас английский знаю гораздо лучше, чем французский. И во многом благодаря тому, что в Академии наук буквально пару лет назад у сотрудников любой квалификации появилась возможность пройти курсы английского на базе Института подготовки научных кадров. Мне повезло: сначала прошел по конкурсу в группу начального и среднего уровня. А после первого года тех, кто хорошо себя показал, перевели в продвинутую группу. Так мы с коллегами два года занимались английским.

– Вас не смущает тот факт, что наука – не сильно уж «хлебная» нива?

– Многое зависит от склада характера. У меня вот нет бизнес-жилки, культа денег. Я могу позволить себе работать «за идею». Но на самом деле, кто бы что ни

говорил, способы заработать есть и в сфере науки. Это не рабочая специальность, и мы не ограничены 500 рублями зарплаты. Да, наш брат порой стартует и с 300 рублей, но «потолок» в зарплате определяет себе сам – тем количеством проектов, над которыми работает, а также тем, сколько времени на это отводит. Понятно, что у нас ненормированный рабочий график. Частенько в лаборатории находимся с 9 утра до 11 вечера. Иногда в выходные дни работаем. Такова специфика.

– Чем же привлекает вас такая работа?

– Прежде всего, она дает некую свободу в осуществлении своих планов и задумок. Потому что научная работа всегда отрицала какие-то догмы, задавала неудобные вопросы. И успеха можно добиться абсолютно разными путями, применяя разные подходы. Для фантазии и самореализации нет границ.

– Какое направление выбрали для научной деятельности?

– В целом занимаюсь исследованием ферментов, участвующих в системе свертывания крови. Конкретно это тромбоксан синтаза – один из ключевых ферментов, который контролирует процесс свертывания крови. Кроме различных свойств самого фермента, изучаю его взаимодействие с другими компонентами тех же тромбоцитов. Пользуюсь при этом совершенно разными методами. Благо, оснащение лаборатории позволяет: у нас в наличии широкий набор инструментов; их можно применять при различных методах исследований – от простейших биохимических до методов молекулярной биологии.

– За что удостоены президентской стипендии?

– Нашел ряд низкомолекулярных веществ, которые могут модулировать действие изучаемого мной фермента и влияют при этом на процессы тромбообразования. Протестировал около 50 веществ. Потом по косвенному признаку нашел возможных белковых партнеров. Речь идет о других белках, которые могут участвовать во взаимодействии с нашим белком, и, соответственно, определенным образом участвовать в реализации его функции... На самом деле тромбообразование – очень сложный процесс, многостадийный. В нем много каскадов, и как они друг с другом связаны, сегодня у ученых представление очень слабое. Это фундаментальные аспекты моей работы. А вообще в силу того, что в лаборатории работаю относительно давно, некоторые мои исследования уже получили практический выход. Например, в лаборатории занимаемся производством различных диагностических наборов. В том числе в составе коллектива авторов участвовал в разработке и зарегистрировал ТУ (технические условия. – Авт.) на набор по выделению ДНК. Выделение ДНК – это начальный этап любой генетической диагностики, без которого никуда дальше не пойдешь. Нужно получить генетический материал и перевести его в удобную для работы с ним форму.

– Андрей, а что вы думаете о белорусской науке и ее перспективах?

– На мой взгляд, примерно с 90-х годов мы догоняем зарубежных коллег. Поэтому у белорусской науки есть ряд особенностей. Так, сегодня нельзя ждать сверхрезультатов, не вложив определенной суммы денег, поскольку мы существенно отстаем в развитии: у нас нет материальной базы, подобной той, что давно сформировалась и постоянно совершенствуется за рубежом. Им там проще, поскольку не было пробелов, как у нас (перестройки, утечки кадров), у них шла эволюция постоянно. У нас же все это имело место, поэтому есть определенные сложности. Но и перспективы есть, причем достаточно неплохие. Приведу простой пример. В течение последних пяти лет во всем мире интерес венчурных фондов с информационных технологий уже переключился на так называемый Life science – науку о жизни. И в биотехнологии вкладываются огромные деньги. До Беларуси в силу ее

географического положения, социальных и других факторов все доходит медленнее, но скоро эта волна нас тоже захлестнет, как произошло в свое время в сфере IT. Единственное, что в биотехнологии требуется больше вложений и необходимо дорогостоящее оборудование.

– Чего, на ваш взгляд, не хватает нашей науке, кроме денег?

– Нужны люди, которые заинтересованы в развитии отечественной и мировой науки. И чтобы они видели перспективу. Потому что даже у меня, готового работать за идею, были порывы сменить род деятельности. Но удержался, остался верен профессии. Надеюсь на перемены к лучшему. Но в целом должен быть какой-то минимальный социальный пакет. Опять так или иначе все сводится к деньгам. Без них и базы хорошей не создать для работы ученых. Не знаю, как в других, но в нашем институте в последнее время вкладываются значительные средства в ремонт корпусов и приобретение современного оборудования, что радует и вдохновляет. Мы в свою очередь всецело посвящаем себя научной работе. Как видите, результаты не заставляют себя ждать.